

ИЗ ПОЧТЫ "ОНС"

*М.В. РАЖБАЕВА,
В.Е. СЕМЕНКОВ*

"История Руссов": идеология казачества и его место в истории Украины и России

В течение последних лет в журнале "Общественные науки и современность" опубликован ряд интересных материалов по истории украинского и российского казачества [1-3]. Хотелось бы остановиться еще на одной теме - роли идеологии казачества в формировании национального самосознания украинцев, позднее - идеологии украинского сепаратизма, а в настоящее время - государственной идеологии Украины. Центральное место при изложении этой темы обычно занимает анализ любопытного источника спорного происхождения — "Истории Руссов". Недавно в Москве переиздана довольно старая книга, глубоко и, на наш взгляд, правильно трактующая этот вопрос, "Происхождение украинского сепаратизма" Н. Ульянова [4]. У этой монографии сложная судьба, она долго шла до российского читателя, но не утратила ни научной достоверности, ни политической злободневности. Она писалась больше 15 лет.

Первоначально изданная на деньги автора в Мадриде, она оставалась практически неизвестной: большая часть тиража была скуплена и уничтожена. Ее судьба странна и трагична, как судьба ее автора. Окончив в 1927 году историко-филологический факультет Петербургского университета, Ульянов работал преподавателем, писал статьи, издавал книги. Но с 1936-го по 1953 год у Николая Ивановича не было возможности заниматься научным трудом: Соловки, Норильск, немецкий плен, работа сварщиком в Мюнхене, а затем в Марокко. И лишь с весны 1953 года историк получил возможность читать лекции в Монреальском университете. Нам еще только предстоит в полном объеме познакомиться с его трудами.

Украинская национальная идеология развивалась в рамках европейской идеологической парадигмы, которую можно обозначить как парадигму традиционной мифологии. Первоначально украинская национальная идеология апеллировала к ценностям генеалогического, точнее, мифогенеалогического характера. Речь идет об истории казачества как определенной социокультурной группы, призванной обеспечить культурно-политическую идентичность украинской нации. Изначально украинская идеология не столько преследовала цель создания собственного государства, сколько добивалась признания за казачеством статуса и собственности на Украине.

Самое яркое и исключительное по значению произведение, сыгравшее, по мнению Ульянова, "роль Корана в истории сепаратистского движения" [4, с. 104] Украины,-

Ра ж б а е в а Марина Викторовна - сотрудник коммерческо-информационного центра "Балтика", Санкт-Петербург.

С е м е н к о в Вадим Евгеньевич - кандидат философских наук, преподаватель факультета социологии Санкт-Петербургского государственного университета.

"История Руссов". Это произведение, едва появившись, быстро распространилось в кругах украинской и российской интеллигенции. Первая публикация "Истории Руссов" была осуществлена в 1846 году в "Чтениях Общества Истории и Древностей Российских". Ульянов считает, что "История Руссов" была написана не позднее 1810-х годов (повествование оканчивается 1789 годом). Книга интересна уже самим фактом своего анонимного авторства. «Оно приписывалось и Г. Конисскому, и Г. Полетике, и В. Капнисту... Но кто бы ни был ее автор, живое и занимательное повествование "Истории Руссов" и то, что книга написана превосходным русским языком карамзинской эпохи, в значительной степени обусловило ее успех. Разойдясь в большом количестве списков по всей России, она стала известна Пушкину, Гоголю, Рылееву, Максимовичу, а впоследствии - Шевченко, Костомарову, Кулишу и оказала влияние на их творчество» [4, с. 104, 105]. Но живость языка - достоинство скорее художественного произведения, а не исторического труда. В условиях XVIII века, когда история Украины еще не была написана, "...нужен был добрый десяток Миллеров и Шлецеров, чтобы отделить в казачьих летописях правду от выдумки и из порожденных эпохой гетманщины документов отобрать подлинные" [4, с. 107]. Несмотря на это не только простая публика, но и ученые XIX века пользовались "Историей Руссов" как источником и авторитетным сочинением. Однако уже в 1870 году харьковский профессор Г. Карпов решительно заявлял, что нельзя доверять ни одному приведенному в ней факту [4, с. 108].

В "Истории Руссов" содержатся все клишированные представления об истории Украины, которые закрепились в общественном сознании российской интеллигенции и которые активно использовали и используют украинские националисты.

История казачества есть история всего украинского народа. Именно в "Истории Руссов" происходит подмена понятий: украинский народ отождествляется с казачеством, хотя о происхождении казачества как отдельного субэтнического образования было известно уже довольно много. Автор "Истории Руссов" отвергал версию, что казачество как сословие учреждено польскими королями, и считал, что Малороссия - изначально страна казаков, а сами казаки - люди благородного дворянско-рыцарского сословия. В первой главе книги Ульянов рассматривает историю казачества и указывает на его генетическую связь со Степью, с тюрко-татарским миром.

История присоединения Украины к России есть история обмана Богдана Хмельницкого московским правительством. Ульянов показывает, что анонимный автор "Истории Руссов" описывал присоединение Украины к Москве, привлекая цитаты из поддельных документов. Отсюда - картина ропота казаков в дни Переяславской Рады, их обвинения гетману за его союз с Россией. Надо отметить, что до начала XVIII века на Украине имели хождение многочисленные гетманские воззвания, обращения, "прелестные письма", послужившие, по мнению Ульянова, исходным материалом для создания украинской идеологии. Именно они являются памятниками начального этапа ее формирования. Отметим, что эти публицистические документы, написанные гетманами или их "спичрайтерами", выражают интересы казацкого государства, а не всего украинского народа. Дело в том, поясняет Ульянов, что в ходе освободительной войны с Польшей казаки создали особую военизированную судебно-административно-территориальную структуру управления Украиной, так как иной власти, кроме казачьей, с 1648 года в крае не было. Другой "апокриф": автор "Истории Руссов", объясняя действия Хмельницкого в момент присяги русскому царю, ссылается на какой-то "ультиматум" Польши, Турции и Крыма, побудивший гетмана к переговорам с Россией. Эту версию до сих пор повторяют на Украине. По этому поводу Ульянов указывает на малоизвестные обстоятельства событий 1654 года: ссылаясь на Н. Костомарова, он отмечает, что Хмельницкий давал присягу русскому царю, будучи подданным турецкого султана.

История гетманщины в "Истории Руссов" - самый выдающийся и героический период истории Украины. Показательно, что в указанном первоисточнике периоду Киевского государства отведено не более пяти-шести страниц, тогда как почти

300 страниц посвящено казачеству и казачьему периоду. Именно казаки - главные действующие лица "Истории Руссов", а гетманщина - самый яркий период в истории казачества. Она составляет *все* содержание истории Украины: «не Киев, а Запорожье, не Олег, Святослав, Владимир, а Кошка, Подкова, Наливайко определяют дух и колорит "Истории Руссов"» [4, с. 109, НО].

История закрепощения украинских земледельцев казацкой старшиной как одномоментное действие Указа Екатерины II от 1783 года. В "Истории Руссов" длительный процесс закрепощения украинских крестьян верхушкой украинских казаков подается как процесс перехода вольных хлебопашцев в крепостную опеку москалей. Тем самым фигура крепостника представлена как *иноэтничная* и заведомо посторонняя этносоциальной эволюции Украины. Ульянов в своей работе указывает на казацкую страшину как на основную группу крепостников, как на группу, которая к моменту выхода указа Екатерины II уже держала крепостное хозяйство и нуждалась в его юридическом оформлении.

Даже самого факта этой "грандиозной фальсификации никто не был в состоянии осмыслить" [4, с. 108].

Ульянов называет всю "Историю Руссов" "апокрифом" украинского самостийничества, считая, что в ней: "Казачья идеология сделана национальной украинской идеологией. В противоположность европейским и американским сепаратизмам, развивавшимся чаще всего под знаком религиозных и расовых отличий либо социально-экономических противоречий, украинский не может основываться ни на одном из этих принципов. Казачество подсказало ему аргумент от истории, сочинив самостийническую схему украинского прошлого, построенного сплошь на лжи, подделках, на противоречиях с фактами и документами" [4, с. 139]. Отметим, что "История Руссов" многократно критиковалась авторитетными исследователями за ее недостоверность¹, но попытку осмыслить ее мифологизирующее воздействие на национальное сознание украинской нации предпринял только Ульянов. Он выделил казачество как особую этнокультурную группу, сыгравшую роль своеобразного *генератора* украинской идеологии.

На сегодняшний день в отечественных исследованиях можно выделить две традиции в вопросе о происхождении казачества. Согласно одной из них, идущей от С. Соловьева, В. Ключевского, Д. Иловайского, а ныне отстаиваемой А. Гордеевым, казаки - это потомки профессионализовавшейся этнической группы, оформившейся в субэтнос. Другая традиция - от В. Татищева, А. Ригельмана к М. Любавскому и М. Покровскому — отстаивает тезис об автохтонном степном происхождении казачества. Тезис о казачестве как потомках отдельной профессионализовавшейся субэтнической группы объясняет позицию Ульянова, считавшего, что казачество представляет собой тип "особый, гулящий, нетрудовой, ведущий разбойную жизнь" [4, с. 28]. Прослеживая генеалогию самоназвания "казак" от половецкого обозначения стражника, историк характеризует казачество не как сословие, а как особый образ жизни. Этот образ жизни, враждебный земледельческой культуре, по мнению автора, генеалогически восходит к русифицированным крещеным татарам. Выделяя в казачестве черты вольного "добытчика от соседствующих народов", Ульянов указывает на антагонизм, существовавший между казаками и крестьянами ("холопами"). Это подтверждается современным исследователем А. Станиславским: "Размежевание казачества с другими сословиями произошло не из-за внутреннего раскола или социального перерождения казачества, но было следствием становления казачества как особой социальной группы" [5]. Такая позиция позволяет рассмотреть идеологию казачества как идеологию особой социокультурной группы, вынужденной из-за своего маргинального положения камуфлировать свои интересы и пристрастия.

¹ Костомаров, всю жизнь занимавшийся историей Украины, на склоне лет пришел к заключению, что в "Истории Руссов" "много неверности и потому она, в оное время переписываясь много раз и переходя из рук в руки по разным спискам, произвела вредное в научном отношении влияние, потому что распространяла ложные воззрения на прошлое Малороссии" (цит. по [4, с. 108]).

То, что положение казачества было именно положением социокультурных маргиналов, показывают новейшие исследования. Современные историки отмечают, что в XVI-XVII веках казачьи общины отличались от русских крестьянских общин не только "спецификой, накладываемой военным бытом, но и гораздо большей архаичностью" [6, с. 236], и даже проводят аналогию между социальным устройством вольных казачьих обществ XVI - середины XVII века и социальной структурой доклассовых обществ в период военной демократии [7-9]. Однако, отмечает исследователь этого вопроса Н. Никитин, "сколь бы архаичной ни выглядела социальная структура ранних казачьих общин, необходимо постоянно учитывать их довольно быструю (в исторических масштабах) эволюцию, проходившую в одном направлении - в сторону втягивания казачьих сообществ в систему развивавшихся в центре страны феодальных отношений" [6, с. 242]. Именно такой ход рассуждений мы находим и у Ульянова, работавшего намного раньше этих исследователей. Он считал, что включение в "реестр" способствовало не только росту самосознания казачества, но и формированию особой "самостийнической" казачьей идеологии. Книга "Происхождение украинского сепаратизма" позволяет не только рассмотреть особенности генезиса украинского сепаратизма, но и понять, что суть казачьей идеологии заключалась не в отстаивании независимости Украины, а в обретении прав на собственность и уравнивании в правах с феодальной знатью, будь то польская шляхта или великорусское дворянство.

Очевидно, что такого рода "национальная" идеология малоубедительна и своекорыстна. Однако, как ни странно, эта идеология не встретила никакого сопротивления в российском обществе и не подверглась критике русской интеллигенцией. Ульянов объясняет этот парадокс. Суть его позиции в том, что украинская национальная идеология, возникнув в рамках европейской парадигмы национальной мифологии, легитимировалась в рамках другой парадигмы - *идеологии социальных реформ*. Ульянов вполне доказательно демонстрирует, как происходила подмена понятий: сначала запорожское казачество отождествляется со всем украинским народом, а затем борьба украинского казачества за свои сословные привилегии рассматривается как борьба свободолюбивого украинского народа с крепостническим русским государством. Именно так голос украинского сепаратиста начинает звучать в унисон с голосом русского демократа в вопросе государственного устройства России.

Заметим, что весь XVIII век происходила активная интеграция украинцев в Российскую Империю [10-13], шло затухание сепаратистских настроений. Ульянов приводит слова идеолога украинского национализма М. Грушевского о том, что "забвение недавнего автономистского прошлого было так велико, что созидание национальной жизни пришлось начинать заново на пустом месте" [4, с. 141]. И здесь происходит, как выразился автор, "прививка ветки, отрезанной от павшего дерева, к растению, имевшему корни, в почке XIX века" [4, с. 146]. Речь идет о революционно-демократическом движении и революционных настроениях в русском обществе XIX века как о питательной среде украинского национализма. Произошло совпадение звучаний: антигосударственные настроения российских революционных демократов совпали с украинскими националистическими настроениями. Именно симпатии к украинскому антиэтатистскому движению - причина украинофильства российского общества². Автор приводит много примеров украинофильства российской революционно настроенной интеллигенции: от проказачьих "дум" К. Рылева и "казакомании" декабристов до публицистических высказываний А. Герцена, Н. Чернышевского и др. Воспитанные на идеализации западноевропейской демократии, они хотели и в казачестве видеть черты этой демократии. В качестве примера Ульянов указывает на статью Костомарова "О казачестве", в которой казачье происхождение объясняется "посредством идей чисто демократических" [4, с. 18].

² Ульянов приводит слова Н. Каткова, писавшего в 1863 году: "Года два или три назад вдруг почему-то разыгралось украинофильство. Оно пошло параллельно со всеми другими отрицательными направлениями, которые вдруг овладели нашей литературой, нашей молодежью, нашим прогрессивным чиновничеством и разными бродячими элементами нашего общества" [4, с. 146].

Такое объяснение происхождения и социального строя казачества поднимало казачью идеологию на национальный уровень. Заметим, что в эпоху перестройки ситуация своеобразного украинофильства повторилась: долгое время российские демократы "заигрывали" с украинскими самостийниками, в который раз очарованные антиэтатистскими настроениями последних. По этому поводу уместно привести высказывание Ульянова о "вопиющем невежестве российской интеллигенции в украинском вопросе" [4, с. 272].

Мы видим, как историческое исследование, выполненное даже в рамках традиционного подхода, дает очень хорошие результаты для понимания не только прошлого, но и настоящего. На повестке дня - задача применения инструментария, который наработан в рамках культурантропологии и социологии при анализе предыстории идеологических феноменов современной жизни.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Багдасаров Р.* Запорожское рыцарство XV-XVIII веков // *Общественные науки и современность.* 1996. № 3.
2. *Яковенко И.* Цивилизация и варварство в истории России. Статья 3. Казачество // *Общественные науки и современность.* 1996. № 3.
3. *Маркедонов С.* Донское казачество. Феномен межцивилизационного диалога // *Общественные науки и современность.* 1997. № 2.
4. *Ульянов Н.И.* Происхождение украинского сепаратизма. М., 1996.
5. *Станиславский А.Л.* Гражданская война в России XVII в. М., 1990.
6. *Никитин Н.И.* О формационной природе ранних казачьих сообществ (К постановке вопроса) // *Феодализм в России.* М., 1987.
7. *Нольте Г.Г.* Русские "крестьянские войны" как восстания окраин // *Вопросы истории.* 1994. №11.
8. *Никитин Н.И.* Казачьи сообщества как пример самоорганизации внесловных и внеклассовых социальных слоев XVI-XVII вв. // *Сословия и государственная власть в России XV - середины XIX вв.* Ч. II. М., 1994.
9. *Ратушняк В.Н.* Некоторые аспекты изучения казачества на современном этапе // *Проблемы истории казачества.* Волгоград, 1995.
10. *Зеньковский В.В.* Истории русской философии. Т. 1. Ч. 1. Л., 1991. С. 56-59.
11. *Штранге М.М.* Демократическая интеллигенция России в XVIII веке. М., 1965.
12. *Штранге М.М.* "Энциклопедия" Дидро и ее русские переводчики // *Французский ежегодник за 1959 год.* М., 1961.
13. *Харламович К.В.* Малороссийское влияние на церковную жизнь. Т. 1. Казань, 1914.

© М. Ражбаева, М. Семенков, 1998

ПОПРАВКА

Статья О.В. Великановой (1997, №6) подготовлена при поддержке Фонда А. Гумбольдта.